

Пропавшие закорючки

Автор:

Наталья Никольская

Пропавшие закорючки

Наталья Никольская

Бабуся

«Часы показывали начало девятого вечера, а Ирина до сих пор не возвратилась с работы.

Игорь нервно побарабанил пальцами по газете, которую рассеянно просматривал, лежа на диване.

Черт возьми, куда она могла запропасться?..»

Наталья Никольская

Пропавшие закорючки

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МУКИ ОТЕЛЛО

Часы показывали начало девятого вечера, а Ирина до сих пор не возвратилась с работы.

Игорь нервно побарабанил пальцами по газете, которую рассеянно просматривал, лежа на диване.

Черт возьми, куда она могла запропасться?

Вообще-то, Ирина каждый день обычно приходила домой в половине шестого и редко задерживалась в своей библиотеке даже на лишние полчаса – как она говорила, иначе ей не хватало времени приготовить нормальный, «человеческий» ужин.

Да ладно, можно даже обойтись разок и без «человеческого» – съел же сегодня Игорь подгоревшую яичницу, и ничего, не умер!

Впрочем, Бабуся, которая была весьма своеобразным кулинаром, предложила Игорю откусать также ее фирменной тыквенной каши на воде – но это было уже слишком!

И как только можно вообще есть эту оранжевую размазю?

Игорь чувствовал, что с каждой минутой начинает злиться все больше и больше.

В конце концов, Ирина могла элементарно позвонить и предупредить, что задерживается.

Что еще за новости? Где она так долго гуляет?

Телефон в библиотеке, где работала Ирина, еще два часа назад выдавал длинные гудки.

И, действительно, Игорь прекрасно знал, что библиотечные дамочки не любили задерживаться среди книжных стеллажей и формуляров даже на лишнюю минуту и разбегались со своей тихой работы сразу же по первому звонку.

Нет, на работе Ирины точно не было – но тогда где же она?

Весьма интересный вопросик.

Игорь решил, что когда Ирина все же вернется домой (должна же она когда-нибудь вернуться?), он имеет полное право с ней вообще не разговаривать, и вовсе не обязан слушать ее объяснения и оправдания.

К черту!

Он будет точно так же продолжать лежать на диване и в свое удовольствие читать свежие новости.

Игорь Костиков снова недовольно уставился в газету и пробежал глазами по столбцам криминальной хроники.

Признаться, лично его во всех изданиях интересовала только криминальная информация, и больше ничего.

Но в последнее время уголовно наказуемые происшествия, которыми, казалось бы, только что пестрили страницы буквально всех столичных, а также местных газет и журналов, были вытеснены предвыборными делами и сопровождающими их скандалами.

Игорь тонко улыбнулся.

Когда-то Вольтер говорил, что все жанры хороши, кроме скучного.

Но сейчас можно было сделать определенный вывод, что в России накануне парламентских и президентских выборов на первое место вышли исключительно жанры доноса и компромата, особый способ обливания друг друга словесными помоями.

Разоблачались тайны чьих-то взносов на кредитных карточках и банковских счетах, которые, кстати сказать, при царском режиме считались коммерческими, а главное, нерушимыми.

Выволакивались на свет божий пыльные папки досье на каждого из участников выборов, даже еще только предполагаемых, где была собрана вся подноготная, и чуть ли ни детские ползунки, которые кандидаты в депутаты носили и пачкали в раннем детстве.

Создавалось ощущение, что буквально во всех саунах, банях, ночных клубах и даже сортирах ни только столицы, но и других городов России, в том числе и Тарасова, где жил Игорь, были установлены секретные видеокамеры,

подслушивающие устройства, глазки, ушки, чуткие усики и прочие приспособления, способные в нужный момент уловить в поведении сильных мира сего хоть что-нибудь, подходящее для компромата.

А вдруг кто-нибудь из претендентов на высокий пост по пьянке что-то неосторожно брякнет или опрометчиво пукнет?

Игорь раздраженно скомкал газету и швырнул ее на пол.

Нет, может быть, кому-нибудь такое чтение и нравится, но подобная грязь точно не для него.

Хотя, если признаться, он должен, и даже более того – теперь просто обязан – постоянно интересоваться подобными вещами.

А вот не получается – с души воротит.

Увы, в нынешней действительности, в том числе и в детективном деле, казалось, не осталось больше ни капли того благородства, которое так привлекало Игоря Костикова в детстве, когда он с упоением читал книжки про Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Хотелось работать – если и не так, то похоже: раскрывать самые запутанные преступления века, опираясь исключительно на собственный интеллект и владение дедуктивным методом, использовать для этого смекалку, чувство юмора, помощь надежных, верных друзей.

Этак изящно, непринужденно...

Да ладно – пусть даже с трудом, как говорится, через тернии.

Но все же Игорь не был готов к тому, что придется иметь дело с такой кучей навоза, какой является нынешняя криминальная жизнь.

«Нет, дружище, тебе придется погрузиться в кучу дерьма, – безжалостно поправляя Игоря его друг детства Олег Малышев, которые сам уже несколько лет работал в уголовном розыске, и имел гороздо больше представления о

криминальном мире, чем сам Игорь. – Говорю конкретно, Пижон, что ты со своим характером и аристократическими замашками у нас точно не сможешь – замути!».

Неужели Малой все-таки оказался прав?

Игорь достал трубку и не спеша набил ее своим любимым табаком, слегка отдающим вишневыми листьями.

Когда-то, из чистого любопытства, Игорь попробовал курить трубку, опять-таки бессознательно подражая герою Конан Дойля, но теперь это незаметно сделалось его устойчивой привычкой.

Любые, даже самые дорогие сигареты, которые только можно было отыскать в коммерческих магазинах Тарасова, все равно имели неуловимый привкус подделки, в то время как табак, которым Игорь запасался во всех своих командировках или других поездках в Москву или Питер, был неизменно качественным, подлинным – крепким и очень ароматным.

Игорь попробовал уже английские, голландские, испанские сорта табака – все они были совершенно разными на вкус и даже на нюх, но их объединяло то, что они были настоящими и не имели «совкового» привкуса!

И потом – с трубкой в зубах, действительно, можно было не спеша обдумывать самые длинные, долгоиграющие мысли и дела, тогда как сигарета – пых! пых! – и уже гасла после какой-нибудь внезапной догадки, жадно требуя следующей затяжки, заставляя попусту нервничать и суетиться.

Игорь вспомнил, что этот разговор с Малышевым о сущности профессии – как следователя из государственных органов, так и частного детектива – произошел за пивом, когда они вместе отмечали успех одного запутанного дела.

Вообще-то, признаться, это было самое первое дело, которое Игорю удалось раскрыть практически самостоятельно, и потому он мог по праву считаться героем того пивного праздника.

Но если быть еще точнее, ту странную историю про пропавшую персидскую кошку, следы которой неожиданно привели к преступной группировке, занимающейся наркотиком двадцать первого века – так называемой, «ангельской пудрой», Игорю навряд ли удалось бы осилить без неожиданной помощи... Бабуси.

Как ни смешно было признаваться, но именно баба Дуся – Бабуся, – с которой Игорь вынужден был делить жилплощадь и которая то и дело мешалась у них с Ириной под ногами – так вот, именно она проявила такие чудеса сообразительности, что всех сумела заткнуть за пояс.

Конечно, Игорь не слишком распространялся перед Малышевым на сей счет, но про себя был по-настоящему восхищен смысленностью и житейской мудростью старушки, признаваясь самому себе, что без ее помощи вряд ли «кошачье дело», которое значилось в его картотеке как самое первое и, на сегодняшний день, единственное, закончилось бы так успешно.

Ведь так получилось, что «ангельская пудра» принесла Игорю чертовски большие дивиденды, на которые он первоначально даже и не рассчитывал.

И денежное вознаграждение, и даже международный резонанс, потому как «припудренных», оказывается, давно уже выискивала международная полиция, не предполагая, что они могут объявиться именно в провинциальном российском городе Тарасове, и – что для Костикова тоже было немаловажно – публичное признание Малышевым его, Игоря, детективных талантов.

В тот вечер, выпив пива столько, что у обоих школьных друзей забулькало в горле, а запах сушеной воблы от рук и вовсе потом не выветривался почти неделю, Игорь признался Малому о своей давней мечте устроить частное детективное агентство на дому, где можно было бы тонко, творчески подходить ко многим запутанным криминальным делам.

Детали этого разговора теперь уже навеки утрачены в памяти – уже на следующее утро Игорь не очень ясно припоминал подробности пивной вечеринки.

Но все же Игорь помнил, что тогда заплетающимся языком он поведал Малому, что именно ради этой благородной цели – заняться частным сыском – он,

собственно говоря, когда-то пошел в юридический институт, и даже, кажется, во всех подробностях показывал другу свой кабинет, приспособленный для приема клиентов, поясняя на ходу, что название пока что незарегистрированного, но все равно уже существующего агентства «ИКС» следует расшифровывать, как «Игорь Костиков – сыск», и многое, многое другое.

Буль-буль, приблизительно в этом же духе...

Малышев выслушал исповедь Игоря с еле заметной усмешкой, зажимая в желтоватых зубах «Приму» – эти рабоче-крестьянские сигареты он курил не по бедности, а из принципа, считая, что они делаются для «настоящих мужиков».

А потом спокойно заговорил про «дерьмецо», которое является главной составной частью этого самого распрекрасного на свете дела, сыскного, про которое с пьяным красноречием так долго распилился перед ним Игорь.

Другими словами, расхвалив сначала несомненные детективные способности Игоря, которые для него оказались в некотором смысле полной неожиданностью, под конец Малышев посоветовал Игорю в частные детективы лучше не соваться, а продолжать спокойно работать в своей юридической консультации, где Игорь Костиков трудился со времени окончания института, имея твердый заработок, нормальный достаток, а порой еще и уважение клиентов.

Мол, Игорю надо радоваться уже тому, что ему один раз повезло с таким потрясающе необычным делом, как «ангельская пудра», но иметь в виду, что больше таких подарков судьбы может и не приключиться.

Игорь, разумеется, тогда с другом сильно поспорил, но получалось, что Малой снова оказался прав!

Со времени «припудренного» дела прошло уже почти два месяца, а ничего любопытного больше на горизонте не появлялось.

Игорь по-прежнему ходил на работу в свою юридическую «контору» и даже получил за это время небольшое повышение по службе и денежную премию.

Но вот, пожалуй, и все события!

А у себя дома, в комнате, которая задумывалась как рабочий кабинет «Игоря Холмса» и офис детективного агентства «Икс», Игорь, как правило, только читал газеты да курил свою любимую трубку, потому что Ирина не выносила табачного дыма, и курить в других комнатах квартиры было категорически запрещено. Что же касается Бабуся, то свой нюхательный табак, которым она время от времени «баловалась», она имела дурную привычку рассыпать по всему дому.

Но что говорить о куреве, когда даже газетное чтение, и то в последнее время стало такого качества, что переварить его порой было совершенно невозможно.

И Игорь Костиков снова с горечью подумал, что Малышев со всех сторон оказался прав.

Разумеется, для частного детектива он слишком уж «чистоплюй»!

Чересчур любит вокруг себя красивые вещи, вкусный ужин, ценит, так сказать, совершенную форму...

При мысли об ужине, Игорь начал злиться с новой силой.

Куда же все-таки сегодня подевалась Ирина?

Но на смену благородному гневу голодного мужчины, откуда-то пришла и тревога: может быть, с ней что-нибудь случилось?

Допустим, встретил Ирину какой-нибудь идиот на дороге, и...

И – дальше что-нибудь из тех случаев, которые с таким смаком описываются журналистами в хронике происшествий.

Ведь никто из пострадавших тоже не предполагает, что именно с ним может приключиться такая гадость, как нападение маньяка, или наезд пьяного автомобилиста.

– Баба Дуся, вам Ирина ничего не говорила насчет того, что может сегодня задержаться? – крикнул Игорь, услышав, как в соседней комнате прошуршали шаги Бабуся, которая умела передвигаться по дому почти что неслышно, как старый индеец на боевой тропе.

– Нет, а что? – с неподдельным интересом заглянула Бабуся в комнату Игоря. – Я думала, ты сам чего-то знаешь...

Вообще-то у Бабуся с Игорем имелась давняя договоренность о соблюдении полного территориального нейтралитета.

Игорь старался не заходить лишний раз в комнату Бабуся, обставленную какой-то допотопной деревенской утварью, даже если та начинала там всюю гроыхать какими-то непонятными железными предметами, или принималась прямо на подоконнике сушить яблоки или грибы.

В конце-концов, теперь это было ее законное право, и Игорь, как юрист это понимал четко и относился с полным спокойствием.

Ведь когда-то родители Игоря разрешили занять ему трехкомнатную квартиру в центре города только с тем условием, что в ней отыщется уголок для Бабуся – вот и пусть теперь живет старушка, как знает.

Но в свою очередь и Бабуся старалась как можно реже заходить в большую комнату, которую занимали Игорь с Ириной, но особенно – в так называемый офис «агентства ИКС».

После истории с «ангельской пудрой», когда Бабуся узнала, что ее «Горяшка» не просто работает юристом, что само по себе вызывало ее невероятное уважение («бумаги перекладывает – и за это деньги гребет!), но к тому же еще занимается и расследованиями, она перестала вытирать даже пыль на компьютере Игоря, полагая, что может случайно „подмахнуть“ в священном, пусть даже и отключенном ящике, что-нибудь важное.

Признаться, Бабуся не поверила, когда узнала, что этот драндулет с экраном стоит гораздо дороже цветного телевизора, и на всякий случай косилась на него с большим предубеждением, как, впрочем, и на все другие вещи в рабочей комнате Игоря, включая его трубки и книги.

– Ничего я не знаю, – буркнул Игорь, пуская к потолку кольцо черного дыма. – Знал бы – не спрашивал.

– Эх, Горяшка-Горяшка, – хитро прищурилась Бабуся. – А тебе ведь Иринку-то и поругать как следует нельзя, ежели она вдруг у тебя загуляет...

– Почему это?

– А то как же! – пояснила Бабуся. – Как же ты можешь ее поругать, когда она тебе на самом деле – нет никто? Никакая и не жена вовсе.

– Как это – никто? – возмутился Игорь. – Да как так – никто? Ирина мне – как раз жена, я вам уже, баба Дуся, сто раз объяснял. Просто мы живем в гражданском браке, не расписываясь в загсе. Сейчас так принято. На что нам какие-то бумажки?

– Смотри-ка, как ты интересно рассуждаешь, – укоризненно покачала головой Бабуся. – Сам всю жизнь одними бумажками только, да законами занимаешься, а как девку узаконить – так они тебе сразу стали и навовсе не нужны. Крутишь ты, Горяшка, что-то...Ой, вертишь! Смотри, как бы не докрутился...

– Мы, кажется, неоднократно договаривались, что вы, баба Дуся, не будете вмешиваться ни в мои служебные, ни тем более в личные дела, – проговорил Игорь, набрав в легкие побольше воздуха, и готовясь к разговору на длинную дистанцию. – И вы, кажется...

– Когда кажется – креститься надо, – довольно бесцеремонно оборвала Игоря на полуслове Бабуся. – А в вашем, Горяшка, случае, лучше – венчаться, если твоя душа казенные печати не приемлет. А то лично я Ирку тоже понять могу: девка молодая, красивая, ей уже, небось, остепениться хочется, а, может, и ребеночка народить, а тут – ни то, и се, ни пятое, ни десятое. Вот и не выдержала, решила хвостом вильнуть...

– Откуда вы знаете? – пронзительно уставился Игорь на Бабусю.

– Что я знаю?

– Ну, что «хвостом вильнуть»? Она вам что-нибудь говорила, куда пойдет сегодня? Тогда лучше сразу выкладывайте начистоту, а то...

– А тут и без разговоров все понятно, – махнула рукой Бабуся. – Как будто я не вижу, как на нее вперивается твой дружок, который из милиции. Прямо так и ширкает по нашей Иринке глазками: туда-сюда, туда-сюда, и чуть ли ни до гола все одежды с нее взглядом сымает...

– Все понятно. Больше вопросов нет, – процедил Игорь сквозь зубы.

В какой-то степени Бабуся говорила правду, и это его тем более раздражало.

Разумеется, Игорь знал, что Малышев вот уже много лет, буквально с институтской скамьи, был к Ирине сильно не равнодушен, и даже не пытался этого ни от кого скрывать.

Но не виноват же Игорь, что Ирина выбрала именно его?

Да что там скромничать – женщины всегда обращали именно на Игоря повышенное внимание из-за его яркой, интересной внешности.

Высокий, темноволосый, с красивыми, правильными чертами лица, черными большими глазами, высоким лбом...

Отец Игоря, Анатолий Сергеевич, любил пошутить, что Игорь удался в «какого-то проезжего цыгана», пока в семейном альбоме случайно не отыскалась фотография такого же черноокого, бородатого прадеда в строгом, застегнутом на все пуговицы, сюртуке.

Но ничего более подробного о красивом предке в семье Костиковых известно не было.

Однако ведь Ирина, с которой они вместе жили сначала в прежней однокомнатной квартире, а теперь в новой, вдвоем с Бабусей, уже имела возможность разглядеть и многое другое, что таилось за благородными, несколько даже романтическими чертами лица Игоря.

И отнюдь не только все самое лучшее и распрекрасное...

– И чего ты теперь так нахохлился? – прервала размышления Игоря Бабуся. – Сам ведь знаешь, что я правду говорю. Да и кто другой тебе скажет, если не я, да не мать с отцом, которые слишком уж тебе много воли дали, в рот заглядывают и по шелковой головушке гладят...

– Вопросов к вам больше нет, – снова повторил Игорь, не желая выслушивать бесконечные бабкины глупости и демонстративно хватаясь за газету. – Вы же видите – я работаю.

Последние слова произвели на Бабусю поистине магическое действие, так как она сразу же закрыла рот и удалилась.

А Игорь задумался: может быть, и правда, зря он вчера сболтнул Ирине, что вполне понимает голливудских звезд, которые беспрерывно женятся на своих киношных партнершах и на всевозможных, совсем юных топ-моделях? Мол, что в этом такого особенного?

Разумеется, Ирина на это вчера ничего не сказала и лишь молча вздохнула, но, может быть, сегодняшней вечер – и есть ответ ему на ту самую реплику перед экраном телевизора?

Чтобы немного скрасить ожидание, Игорь решил позвонить Малышеву.

Конечно, он немного хитрил сам перед собой – ему хотелось на всякий случай попытаться что-нибудь вскользь выяснить и об Ирине, и о том, не появилось ли у Олега какого-нибудь интересного, запутанного дела, которое уже поставило следствие в абсолютный тупик, и теперь требует «свежего глаза».

Но Малого, как назло, не оказалось дома.

– Алло, – с готовностью отозвался в трубке голос мамы Олега, которую Игорь знал еще с самого детства, как великую любительницу поговорить – и по телефону, и с глазу на глаз.

Бывало, Игорю из вежливости приходилось по часу стоять в дверях, выслушивая информацию, которую тут же обрушивала на всякого вошедшего эта разговорчивая, но почему-то одинокая и ни разу не побывавшая официально замужем женщина – она испытывала настоящий людоедский голод на любого рода общение.

– А Олежки сейчас дома нет, – сказала Маргарита Васильевна, не скрывая радости, что кто-то сам додумался вызвать ее по телефону на контакт. – Разумеется, Игорек, я сразу тебя узнала. Сегодня Олежка повел девушку в «Избушку». Как – какую? Он говорит, что это самый лучший в Тарасове ресторан. Нет, сама я там не была – какие еще рестораны с моей зарплатой? Ах, ты спрашиваешь, какую девушку? Олежка не сказал мне, как ее зовутты же знаешь, в этом вопросе мой лапуля такой скрытный, такой застенчивый. Но я рада, что наконец-то ему хоть кто-то по-настоящему понравился. Ты спрашиваешь, из чего я это заключила? Ну, во-первых, согласишься, вовсе не каждую девушку он бы стал приглашать в дорогой ресторан, а только такую, на кого у него имеются серьезные виды. Разве не так? Во-вторых, он сегодня наконец-то стащил с себя эти затрапезные джинсы и по собственному желанию оделся в приличный костюм и даже побрызгался какой-то туалетной водичкой – и когда только успел купить? Кстати, как там поживает Ирочка? Что там скрывать – я в свое время переживала, что у них с Олежкой не получилось...

В общем, чем дольше Игорь слушал щебетание малышевской мамы, тем отчетливее он понимал, что Малышев с Ириной в тайне от него сегодня пошли в ресторан.

Вряд ли Малой стал бы так наряжаться и сорить деньгами ради кого-нибудь другого, кроме Ирины.

Нет, других вариантов быть не могло, это точно.

Кроме того, теперь Игорь отчетливо вспомнил, что сегодня утром Ирина тоже гораздо дольше обычного крутилась перед зеркалом.

И даже одела на работу какую-то легкомысленную прозрачную блузку.

Зачем, интересно, для работы в библиотеке ей мог понадобиться такой откровенный прикид?

Она еще даже лицемерно пригласила Игоря оценить, как сегодня выглядит (все-таки все женщины – коварны!), но ему с утра было некогда заниматься подобными глупостями.

Кстати, почему ему было некогда?

Не важно, сейчас Игорь уже не помнил, какая важная мысль плотно занимала утром его воображение, но разве в этом дело?

Дело в том, что в эти самые минуты ему, дамскому сердцееду, кажется, вовсе наставляла рога без пяти минут законная жена, танцующая в обнимку где-нибудь в глубине темного зала с его другом детства, и это еще в самом лучшем случае!

Игорь как никто знал дьявольскую изобретательность и напористость Малышева, когда тому требовалось добиться чего-нибудь своего.

Нет, Малому ничего не стоило на один вечер и даже на пару часов снять номер «люкс» гостиницы, заплатив за него как за трое суток, добыть ключи от коттеджа какого-нибудь знакомого мафиозника, где можно сколько хочешь поплескаться с девушкой в личном бассейне или в джакузи, арендовать пароход, который катал бы влюбленных по реке ровно столько времени, сколько им понадобилось бы, чтобы вдоволь позаниматься любовью, и все...все, что угодно!

Да, Малышев был способен на все.

А Ирина?

Игорь даже зубами скрипнул, настолько его задевало за живое даже одно только предположение, что именно она является партнершей этого кривоногого, хватистого ухажера.

Впрочем, теперь в голове у Игоря уже вовсе созрел ответный план.

Допустим, отправиться тоже в «Избушку», сесть спокойно в уголке и понаблюдать, как там сейчас воркуют эти голубки.

А потом спокойно подойти и сказать: «Привет, ребята! Выпить не нальете?»

Игорь в удовольствии представил, какими пунцовыми пятнами сразу покроется лицо Ирины, и как криво оскалится при этом Малой.

Нет, еще лучше будет подойти, небрежно ведя под руку какую-нибудь ошеломительную красотку – ради этого можно даже позвонить Юлечке, которая работает у них в конторе секретаршей!

«Привет, ребята? Развлекаетесь? А мы вот тоже решили проветриться...»

Или – нет: сначала все-таки подойти одному, а Юлечка пусть до поры до времени сидит в глубине зала за столиком, посасывая через соломинку коктейль, чтобы потом...

«Привет, ребята!»

Неизвестно, сколько бы еще Игорь Костиков мысленно упражнялся в своих то скорбных, то в злорадных приветствиях, но вдруг он услышал звук поворачиваемого ключа.

Явилась – не запылилась! Нагулялись?

Привет, ребята!

Игорь тут же забыл о своем первоначальном намерении встретить Ирину, уставясь в книжную или газетную страницу, и не достаивать ее даже расспросами.

Нет, ему все же интересно было посмотреть Ирине в ее «честные глазки» именно в тот момент, когда она, как ни в чем ни бывало, заходила в дом...

Да и парочка вопросов с налета, как говорится, врасплох, тоже будет совсем не лишней.

Но как только Игорь увидел заплаканное, совершенно несчастное, потерянное лицо Ирины, он тут же забыл обо всех своих коварных планах.

- Что с тобой, котенок? – тут же бросился он ей навстречу. – Что случилось?

Но Ирина ничего не смогла ответить, а только громко, безутешно заревела.

Игорь никогда прежде не видел Ирину в таком состоянии и поневоле растерялся.

На шум голосов из своей комнаты вышла Бабуся и тут же застыла в позе, которая могла бы служить аллегорией вечного горестного недоумения, которое людям, увы, приходится испытывать вплоть до глубокой старости.

- Батюшки, девонька наша, кто же тебя так обидел? – всплеснула руками Бабуся.

Но Ирина только трясла головой, как партизан на допросе, и по щекам ее безудержно текли слезы.

- Пойдем, пойдем, выпьешь водички, или даже лучше водочки чекушку – и все спокойно расскажешь, – сказала Бабуся и, вцепившись в рукав нарядной блузки Ирины, потянула ее в кухню, где сразу же усадила на табуретку и заставила выпить воды.

- На тебя кто-то напал? – спросил Игорь глухо – его голос заранее осип от ненависти к обидчику.

Ничего, он эту скотину из-под земли достанет!

- Нет-нет, – всхлипнула Ирина.

- Кошелек, что ли, умыкнули? – спросила Бабуся, прикидывая в уме, какая неприятность лично ее могла бы расстроить.

Но – нет, не до такой же степени, в самом-то деле!

- Нет, – еле слышно шевельнула бледными, ненакрашенными губами Ирина, отрываясь от стакана с водой.

– Изнасиловали? – спросил Игорь как можно спокойнее, как будто вопрос касался самого обыкновенного, будничного дела.

Но что поделывать! Он просто не мог сейчас этого не спросить.

– Ой, нет, – сама испугалась Ирина и вдруг добавила: – Еще хуже.

Игорь облегченно про себя вздохнул и подумал: а что, собственно, может быть хуже?

То, что Ирина была жива, он и сам видел сейчас собственными глазами.

А все остальное, наверняка, какая-нибудь ерунда, из-за которой не стоило так убиваться.

Поэтому Игорь сразу же успокоился, и к нему даже стало возвращаться его обычное чувство юмора.

– Зарплату, что ли, в библиотеке, наконец-то дали за три месяца, и ты ее пересчитала? – спросил он почти весело.

Ирина посмотрела на него с упреком.

Она и сама сильно переживала по поводу того, что тех денег, которые платили библиотекарям, ей, признаться, хватало на парочку походов на базар.

Зато в такой день она сама, как говорится, на свои «кровные», или как говорили в библиотеке – «на свои пыльные», могла купить Игорю какой-нибудь подарок или выбрать бутылку хорошего вина на ужин.

Но обсуждать эту тему вслух? Сейчас?

И на глазах Ирины снова показались слезы, но теперь уже от новой обиды. Так сказать, от обиды номер два.

Но Игоря пока все же гораздо больше интересовала первая.

- Где ты была? – спросил он строго, решив попробовать зайти с другой стороны. – Мы тут за тебя все, между прочим, переволновались.

- На работе, – просто ответила Ирина.

- Так поздно?

- Да, там у нас...случилось.

- Но почему ты хотя бы не позвонила? Не предупредила? Ты что, совсем там потеряла голову из-за своих книжек? – напирал Игорь, начиная буквально полыхать праведным гневом.

И ведь он был прав: нельзя же так, в конце концов, мотать нервы близким людям из-за работы, которая к тому же приносит сущие гроши?

Его знание психологии Ирины оказалось верным – она сразу же начала оправдываться и объясняться.

- Наверное, меня теперь выгонят с работы, – понурившись, сообщила Ирина.

- Вот и слава богу... – начал было Игорь, но не стал продолжать, вспомнив, что для Ирины такой оборот стал бы настоящим несчастьем.

Сколько раз он предлагал ей устроиться в фирму к своим хорошим знакомым на какую-нибудь гуманитарную должность, типа секретаря-референта, где хотя бы платили побольше, но Ирина постоянно под разными предлогами отказывалась.

Впрочем, Игорь догадывался о главной причине всех ее отказов – Ирина просто до одурения любила свою работу в областной научной библиотеке, хотя Игорь и не вполне понимал, что именно там можно было любить.

Хотя, когда Ирине все же удавалось вытаскивать Игоря на организованные ей выставки, вечера, встречи с разными занятными личностями, ему порой приходило в голову, что в профессии Ирины все-таки что-то такое есть.

Кто-то ведь должен даже в нынешней смутной, безумной жизни охранять островки культуры, к которым, оказывается, цеплялось множество читающих, и не только об одном хлебе насущном думающих тарасовцев?

– Я хотел сказать: с какой стати тебя должны выгнать? – поправился Игорь. – Пусть попробуют найти кого-нибудь, чтобы так же...

– Пропала книга, – сказала Ирина совершенно упавшим голосом.

– Ну и что с того? – удивился Игорь. – Подумаешь! На то она и библиотека, что одни книги пропадают, новые появляются. Я не понимаю, почему такая паника.

– В моем отделе пропала книга, – пояснила Ирина, делая упор на слове «моем». – И не просто книга, а одна из самых ценных в фонде. Мы до ночи разбирались, и директриса, наша Раиса Дмитриевна, сказала, что если я ее не найду, то должна буду из своего кармана заплатить полторы тысячи долларов.

– Сколько? – переспросил Игорь.

– Сколько слышал. Дело в том, что эта книга сама по себе раритет – мало того, что она прошлого века, но на ней есть также автограф самого Киплинга.

– Какого? – удивленно спросил Игорь. – Который про Маугли написал?

– И не только про Маугли, но сейчас дело не в этом. Эту книгу подарил библиотеке один богатый американский дядька, Дональд Кью, предки которого когда-то жили в Тарасове, а он теперь оказывает городу гуманитарную и всякую другую помощь. И стоит эта книжица – о-го-го! Знаешь, Игорь, мне даже домой идти не хотелось. Представляешь, какие деньги?

– Да уж, столько у меня сейчас нет, – согласился Игорь. – И, признаться, в ближайшее время не ожидается.

– Вот видишь, и я о том, – всхлипнула Ирина. – Похоже, я теперь до конца своей жизни буду работать в своей библиотеке бесплатно, как... раб, как рабыня... а у меня будут эти денежки вычитать.

– Слушай, я что-то никак в толк не возьму, что же это за книга, если она такие деньжища стоит? – встряла Бабуся. – Что же там за золотые слова должны быть написаны, чтобы каждая буква-букашечка даже не на рубль тянула, а еще и поболее? Уж не Святое писание ли, случаем?

– Да нет, античные мифы, баба Дуся. Редкое издание девятнадцатого века, уникальный в своем роде перевод. Но самое главное – этот автограф, из-за которого книга считается настоящим раритетом.

– А это что еще за ботва от редьки? – нахмурилась Бабуся. – Какие еще мифы?

– Ну, как вам еще объяснить? Сказки! Понимаете, сказки всякие про богов и героев, которые греки выдумали в глубокой древности.

– Хорошенькое дело: они выдумали, а ты теперь должна расплачиваться из своего кармана! – всплеснула руками Бабуся, и Игорь не смог сдержать улыбки, глядя как старушка не на шутку разгневалась на проклятых древних эллинов с их безудержными, неумными фантазиями.

– Все дело в самом издании, – снова терпеливо пояснила Ирина. – Книга представляет собой антикварную ценность – это раз. Во-вторых, этот американец, как назло, снова приехал в Тарасов, даже со своим сыном, и завтра в библиотеке будет его встреча с читателями. Вот наша Салтычиха, в смысле – Раиса Дмитриевна – вечером и взялась самолично пересмотреть его подарки. Мол, вдруг мистер Кью завтра пожелает убедиться, что они находятся в полной сохранности? И вот на тебе, как назло, самая дорогая вещь сегодня исчезла! Теперь директриса боится больше всего на свете, что Дональд, узнав про это, может не на шутку разозлиться и забрать назад и все остальные редкие книги, которые уже раньше передал в дар библиотеке. Мало того, он может вообще отказаться от поездок в Тарасов, ведь мистер Кью оказывает материальную помощь и больницам, и учебным заведениям, и тогда губернатор директрису с должности стопроцентно уберет...

– Надо же, и все из-за каких-то сказок, – снова с осуждением покачала головой Бабуся.

– Я ведь вам уже сказала, а вы никак не хотите понимать... – в голосе Ирины уже явно слышались истерические интонации. – На этой книге есть личный

автограф Киплинга – кажется, именно он приходится каким-то дальним родственником нашему американцу, – а, значит, издание имеет огромную культурологическую ценность... И вообще... Такой дорогой вещи у нас в библиотеке никогда раньше не было, и теперь все тычут на меня пальцем. И я чувствую себя настоящей...преступницей. Правда, я ведь теперь и сама тоже так считаю...

– Послушай, но, может быть, книга уже завтра найдется? – быстро задал вопрос Игорь, видя, что Ирина снова вот-вот может зареветь. – Вон у вас там какие книжные завалы! Тысячи!

– Нет-нет, точно не найдется, – ответила Ирина. – Потому что я одна пока знаю: эту книгу вообще...украли.

– Но что же ты об этом молчала? – воскликнул Игорь.

– Нет, я говорю, рассказываю... Вот только в библиотеке я пока про это никому, а то вообще... – потерянно пролепетала Ирина, и Игорю сделалось ее по-настоящему жалко.

Бедняжка и без того проревела весь вечер в своей библиотеке, забыв обо всем на свете, и даже о том, что нужно позвонить домой!

А он тут тем временем накручивал в уме черт знает что...

– Вот что, гражданочка, – сказал Игорь спокойно, таким тоном врача-терапевта. – Сейчас вы успокойтесь, умоетесь. Я даже даю вам минут десять на то, чтобы выпить чаю, но потом я вас жду в моем офисе, где вы, Ирина Батьковна, расскажете мне все про вашу пропавшую книженцию по порядку и как можно подробнее. Я, как хорошо известный в стенах этой квартиры частный сыщик, берусь за это дело и обещаю его распутать хотя бы потому, что у мне совершенно не улыбается перспектива платить твоей директрисе из своего кармана полторы тысячи баксов...за какую-то старую макулатуру.

– За какие-то сказки, – добавила Бабуся. – Подумаешь, своей рукой какой-то писака на странице что-то чиркнул. Эка ценность! Да я так хоть все книги пойду сейчас исчирикаю – и что же, потом людей, что ли, из-за этого грабить? Сказки все это. Михы!

- Мифы, - привычно поправила Ирина.

- Да по мне все равно - что ихние мифы, что михы, - ответила Бабуся. - Мне бы нарочно их совали, я бы их и в руки не взяла. Сказала бы - не надо мне этого вашего добра исчирканного, на дух не хочу!

Ирина с Игорем переглянулись и не выдержали - засмеялись!

Они знали, что в свое время Бабуся закончила только три с половиной класса сельской школы. А дальше была война и долгая борьба за элементарное выживание в деревенской глухомани, так что читала она еле-еле по слогам и с трудом осиливала только продуктовые этикетки.

ГЛАВА ВТОРАЯ. САНТЕХНИКА ВЫЗЫВАЛИ?

- Ну что, надеюсь, теперь ты готова рассказать мне все по порядку? - спросил Игорь, когда Ирина села напротив него в кожаное удобное кресло, которое Игорь про себя называл «скамьей потерпевших». - Про свою...подпорченную репутацию?

После недавнего рева у Ирины еще оставались красными глаза и нос, но в целом она выглядела уже получше.

Ирина даже положила руки на колени, так что теперь и вовсе была похожа на провинившуюся ученицу.

- Да, готова, - сказала она твердо.

- Прежде всего, меня интересует вот что: ты уже сделали заявление в милицию о краже?

- Нет, что ты, ни в коем случае, - сразу же снова заволновалась Ирина. - Про это пока никто, кроме меня, не знает. Ну, про то, что книгу именно украли. Пока директриса думает, что она просто пропала, но уже и так готова спустить с меня

три шкуры. Ведь именно я являюсь заведующей отдела редких книг и, значит, вся ответственность лежит на мне...

Последние слова Ирина произнесла с некоторой гордостью.

Да, она действительно гордилась тем, что работала не просто в библиотеке, а в отделе редких книг, доступ в читальный зал которого имели только самые интеллигентные, образованные люди Тарасова, да и то по особому разрешению.

Таким образом, Ирина была знакома со многими профессорами университета, писателями, краеведами и прочими занимательными личностями города (которых Игорь про себя называл общим словом «шизики»), так сказать, не сходя со своего рабочего места.

И вот – именно в этом святилище интеллекта и приличия, оказывается, и произошла кража!

– Ну хорошо, – спокойно сказал Игорь, закуривая свою трубку, которая в глазах Ирины делала его особенно неотразимым. – Но я не пойму, почему ты так уверена, что книгу именно украли?

– А потому...А потому... – замялась несколько Ирина, но потом выпалила. – Потому что я сама отдала книгу вору в руки, хотя не должна была, ни в коем случае не должна была этого делать.

Игорь насторожился: что-то новенькое!

Как бы и впрямь не пришлось выкладывать за самовольство Ирины полторы тысячи баксов, если оно действительно зашло чересчур далеко.

– Объяснитесь подробнее, сударыня, – проговорил он нетерпеливо. – Я ведь не знаю всей вашей библиотечной кухни. Почему ты не должна была этого делать?

– Потому что есть книги, на которых стоит специальный гриф, и они считаются, так сказать, музейными экземплярами, хотя и хранятся в стенах библиотеки...

– Ну и что?

– А этот человек так меня просил...так просил...Он сказал, что ему необходимо для работы именно это издание. Я постоянно даю ему для работы очень редкие книги, и эту тоже выдала... И потом, у меня на этот счет есть свои убеждения...

– Какие убеждения? – не понял Игорь.

– А такие, что все книги на свете – и редкие, и не слишком – созданы для того, чтобы их все-таки читали, и чтобы люди ими пользовались из поколения в поколение, – в упор посмотрела Ирина на Игоря своими светлыми серыми глазами, обрамленными густыми, пушистыми ресницами. – Вот. И главное предназначение любой библиотеки – давать человеку такую возможность, а не запирасть на ключ целые отделы, как это делает наша перестраховщица Салтычиха. Нет, ты только представь: у нас книгу, изданную до пятидесятого года, не выдают даже в читальном зале, хотя студенты то и дело пишут на них заявки, и получают отказы. Лишь самые избранные, те, кто имеет пропуск в наш отдел, могут познакомиться с дореволюционными и послереволюционными изданиями...

– Ладно, про это ты мне потом расскажешь, – настойчиво перебил Ирину Игорь. – А сейчас расскажи, что это за шизик, над которым ты сжалилась, добренькая моя. Наверное, какой-нибудь смазливый на морду, молоденький профессор, тайно прибалывающий клептоманией?

– Нет, ты снова о своем, – укоризненно покачала головой Ирина. – Ничего в нем красивого нет. Даже, наоборот, он скорее страшный – худой, в очках, по-моему, у него даже горб начал расти – какой-то переводчик или преподаватель античности. Он у нас частенько сидит, что-то переводит, переписывает. И фамилия у него смешная, так что я ее сразу запомнила – Загробницкий. Представляешь, как ему живется с такой фамилией?

Игорь подумал, что, вообще-то его фамилию – Костиков – тоже можно истолковать по-разному.

Он сейчас не стал напоминать, что если мечты Ирины о законном браке сбудутся, она тоже станет не Беляевой, а Костиковой.

Костиковой, выдающей книги Загробницкому.

Но сейчас Игорь об этих детских глупостях промолчал и лишь еле заметно ухмыльнулся.

– И что дальше: твой Загробницкий схватил желанную книгу и тут же дал деру? – спросил Игорь.

– Нет, тогда мы точно сразу же вызвали бы милицию. Наоборот, он меня очень, очень даже тепло поблагодарил и сел на свое привычное место за колонной – читать или как-то с ней работать. Я не поинтересовалась, что он собирается делать. Дело было уже после обеда, ближе к вечеру. Я только предупредила, чтобы он обращался с этим изданием как можно осторожнее, и он мне клятвенно пообещал. А потом – исчез! Нет, скажи, ну как, как после этого доверять людям?

– Интересное дело! У вас что – можно спокойно взять книгу под мышку и выйти на улицу? – удивился Игорь. – Тогда я удивляюсь, как же у вас вообще всю библиотеку целиком еще до сих пор не вынесли?

– Ну что ты! – несколько даже обиделась Ирина. – У нас все не так. Читатель должен отдать книгу и получить назад свой читательский билет, потом я делаю ему особую отметку в контрольном пропуске, и только тогда... Но этот самый Загробницкий поступил хитро – он просто-напросто подошел к моему столу и выкрал свой читательский билет, а книгу положил за пазуху или еще куда-нибудь – и был таков! Но я только потом это поняла, когда не нашла его читательский билет, а от самого читателя – и след простыл...

– Так, значит все-таки украл, – озадаченно вздохнул Игорь. – Разве ты не прячешь все эти... как их там... читательские билеты в сейф или еще в какое-нибудь укромное место?

– Ой, нет, я сегодня тоже весь вечер думала об этом, – сказала Ирина. – Но у нас никто их сроду особенно не прячет. Эта деревянная коробочка стоит прямо у меня на столе, за загородкой, так что, по идее, любой может дотянуться и взять свой билет. Но ничего подобного никогда раньше не было, так что нам и в голову даже не приходило, что это возможно! И потом, самое главное, я даже не видела, когда Загробницкий взял свой билет.

– Не видела?

– Нет, наверное, он следил из-за своей колонны и выбрал время, когда я ушла в глубину стеллажей или покурить – всего на минутку...

– Ты что, на работе куришь? – нахмурился Игорь.

– Ну, иногда, только когда нервничаю. Когда директриса слишком уж доведет. А сегодня она опять нам пропесочку устраивала, накануне приезда Дональда Кью с сыночком, так что настроение у меня было просто отвратное, я как будто заранее предчувствовала, каким будет сегодняшний вечер. Но как же мне теперь быть, а? Ведь вот еще что – получается, что наша Наталья Петровна тоже окажется виноватой, и тогда ее точно выгонят с работы...

– Какая еще Наталья Петровна?

– Я тебе много раз про нее рассказывала, только ты никогда не слушаешь: наша библиотечная старушка – божий одуванчик. Она еще внучку одна воспитывает, так что на свою пенсию точно прожить не может, и директриса сжалась – взяла на контроле сидеть, ведь когда-то Наталья Петровна чуть ли ни всей областной культурой заведовала. Так вот, Наталья Петровна тоже со слепу не обратила внимания, что Загробницкий на листке контрольного пропуска штампель подделал, типа нашего – какой мы ставим, отмечая, что у человека на руках нет книжек. Загробницкий такой штампель при помощи простой стирательной резинки сделал, а Наталья Петровна и внимания не обратила. Понимаешь, я даже больше не из-за себя переживаю, а из-за того, что Наталья Петровна точно больше нигде устроиться не сможет, ведь она над своей работой буквально трясется...

– Любопытно! Получается, что твой шизик умеет не просто воровать, но еще и подделывать документы? – спросил Игорь, с интересом глядя на Ирину. – Но как ты, дорогая, поняла, что свой штампель он поставил именно стирательной резинкой?

– А потому что я осмотрела то место, где он за колонной сидел, а там прямо на столе – вообще-то столы у нас стоят старые, университетские, не известно сколько поколений студентов их чиркало! – так вот, там видно, как он потренировался сначала на крышке стола, прежде чем поставить печать на контрольный листок. Варвар! Ненавижу! Просто ненавижу таких людей – я ему поверила, пошла навстречу, а он сидел, оказывается, высматривал,

выглядывал...

– Ах ты, наивная моя, – спокойно сказал Игорь, видя, что на глазах Ирины вот-вот снова могут появиться предательские слезы. – Ты порой рассуждаешь, как будто тебе всего пять лет от роду, а не двадцать...с хвостиком. А волноваться-то, собственно, и нечего: нужно просто найти самим этого самого твоего Угробницкого и вытрясти из него книжку – вот и все дела...

– Загробницкого, – поправила Ирина, которую библиотечное дело приучила к точности в фамилиях и названиях.

– Какая разница! У тебя есть его адрес?

– Да, конечно. Вообще-то адрес пишется на читательском билете – он-то, наверное, думал, что если он билет украл, то все... Но ведь потом адрес все равно переносится в специальную регистрационную тетрадь. Вот, я выписала: Загробницкий А.И., улица Полевая, дом пять, квартира двенадцать...

– Уж не ведомо, правдивый ли это адрес или тоже подложный, как и печатка, но проверить все рано надо, – неожиданно подала из комнаты голос Бабуся. – Да и фамилия у вора какая-то уж больно специальная, как будто нарочно для острастки выдумана! Но все-таки, чем черти не шутят?

– Вы что...снова подслушивали? – изумился Игорь.

Признаться, он никак не мог привыкнуть к врожденной бесцеремонности своей деревенской бабушки, которая являлась его матери родной теткой.

Например, баба Дуся запросто могла съесть на кухне то, что ей «глянулось», а потом совершенно спокойно заявить: «Коль берешь немножко – то не кража, а дележка», либо выдать еще какую-нибудь из своих многочисленных прибауток.

Или подслушать важный деловой разговор.

– Да нет, просто я уши забыла пчелиным воском залепить, – с готовностью отозвалась Бабуся. – У вас тут дверь открыта, а я цветочки как раз на окне поливаю...

– Что-то подозрительно долго вы их поливаете, – не хотел униматься Игорь.

– Так вы же засушили их совсем! Пока водичка маленько просочиться, пока новой плеснешь – а все время уходит...

– Ладно, Замогильного...или как там его – Загробницкого мы все равно отыщем. Вот завтра и найдем, – сделал вывод Игорь.

– А чего тянуть-то резину? – сказала Бабуся. – Сейчас время еще десяти даже нет. Нужно прямо сейчас и ехать, тепленького брать, пока ворюга проклятый не успел еще какой-нибудь канители напутать...

– Я это и хотел сказать, – сразу же поправился Игорь, который к этому времени так проголодался, что мысли о вкусном ужине чуть было окончательно не замутнили его рассудок. – Именно сейчас. На такси у нас получится быстренько смотаться туда и обратно. Зато кое-что может сразу же проясниться.

– Ой, спасибо, спасибо, конечно! – тут же с готовностью вскочила со своего места Ирина, которая все равно не могла думать совершенно ни о чем, кроме как о пропаже драгоценной книжки. – Я только одну минутку – глаза подкрашу, а то так ревела, что всю свою косметику смыла...

Буквально через несколько минут Игорь и Ирина уже сидели в салоне такси, который вез их на самую окраину города, где находилась улица Полевая.

Этот микрорайон действительно появился в Тарасове совсем недавно на месте бывших кукурузных полей, и за короткое время существования уже сделался чуть ли не именем нарицательным.

«Ну, конечно, ты меня еще на Полевую завези,» – привычно ворчали тарасовцы, если маршрут казался им чересчур длинным.

И вот теперь Игорь и Ирина направлялись именно туда, в местечко, где среди новостроек еще даже не горели фонари – то ли еще не подключили, то ли все светильники уже перебила местная шпана.

По дороге Ирина призналась, что сегодня она один раз приезжала сюда, но потом испугалась, что все равно заблудится в темноте, и ни с чем вернулась домой, тем более испугалась, что за нее дома будут волноваться.

Потому-то она так надолго задержалась.

– Дошло все-таки, – хмыкнул Игорь, но про себя подумал: слава богу, что у Ирины хватило здравого смысла вернуться, а не блуждать здесь одной среди новостроек, кранов, каких-то развороченных котлованов и ям, на которые ему самому-то было смотреть несколько жутковато.

Дом под номером пять оказался высокой серой девятиэтажкой – издалека казалось, что она стояла как-то неровно и уже начала клониться к земле.

Впрочем, весь этот район строился настолько наскоро, кое-как, что местность напоминала последствия нигде не зарегистрированного легкого землетрясения.

Лифт в доме, разумеется, не работал, и было странно, что в некоторых окнах жилых строений на улицы Полевой довольно уютно горел свет.

Дверь по соседству с нужным подъездом оказалась открытой – это был мусоропровод! – и оттуда Ирине под ноги прыгнул некто, оказавшейся большой крысой.

Ирина громко вскрикнула, и Игорь крепко взял ее под руку.

– Ничего, – сказал он. – Гораздо хуже, если бы это была черная кошка. А крысы, говорят, наоборот, приносят счастье.

– Откуда ты знаешь?

– Прочитал, – улыбнулся Игорь. – Я в библиотеках не работаю, поэтому у меня есть время иногда читать книги и журналы, где пишут всякую подобную чушь.

Подойдя к двери квартиры двенадцать, Игорь услышал, как за дверью, скорее всего в ванной комнате, всю льется вода.

Звукоизоляция в доме была такой отменной, как, в общем, и все прочие блага цивилизации, так что вряд ли тут можно было спокойно чихнуть, чтобы тут же не быть услышанным на всех этажах.

Оставив Ирину на всякий случай на лестничной площадке пролетом ниже, Игорь настойчиво позвонил в дверь.

– Кто? Кто это? – с беспокойством спросил из-за двери, на которой даже не было глазка, мужской голос.

– Я, – только и нашелся что ответить Игорь.

Но почему-то такого короткого самопредставления для хозяина квартиры номер двенадцать оказалось вполне достаточно.

– Оставьте меня все в покое! Все! Все! Все сразу! И вы тоже! Никого не пущу! Никого! Уходите, уходите отсюда, – истерично прокричал из-за двери мужчина.

Игорь посмотрел на выглянувшую из-за угла Ирину – она усиленно кивала головой, давая понять, что узнала голос Загробницкого, который и правда оказался каким-то противным, прямо-таки загробным.

Это сразу же придало Игорю решимости.

– Откройте, а то мне придется вызвать милицию, – грозно сказал Игорь. – Вы заливаете нижних соседей. Что там у вас с водой? Льется? Вы набираете ванну? В чем дело? Немедленно откройте!

– Льется... – растерянно проговорил за дверью Загробницкий и снова переспросил: – Кто вы? Кто?

– Слесарь, кто же еще, твою мать, – сказал Игорь, изо всех сил стараясь подражать голосу и манерам хорошо знакомых ему хамов из ЖКО, которые в такой ситуации могли бы запросто начать дубасить ногами в дверь и, вообще, не стали бы особенно церемониться с виновником потопа. – Открывай, давай, а то я сейчас за мужиками пойду – мы тебе все равно тогда дверь высадим...

Игорь услышал, как внизу хихикнула Ирина, и приложил палец к губам, чтобы она помалкивала.

– Сейчас, да, я оденусь, одну минутку, – обреченно пробормотал Загробницкий, и действительно, через несколько минут открыл дверь.

Перед Игорем стоял худой, мокрый и дрожащий от холода человек в одних трусах, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Мужчина был очень тощим и длинным, с большими очками на носу, какого-то совершенно неопределенного возраста.

Впрочем, примерно таким и представлял Игорь по описанию Ирины похитителя редчайшего издания.

Загробницкий тоже взглянул в лицо Игоря с некоторым удивлением.

Что и говорить, но на местного сантехника одетый с иголки, со своей интеллигентской бородкой, хорошо отутюженными брюками и благоухающий французской туалетной водой Игорь Костиков был похож меньше всего.

Чтобы не давать хозяину квартиры времени очухаться и сообразить, что к чему, Игорь быстро и решительно ломанулся в ванную комнату, где стояла ванна, наполненная до краев водой.

Судя по мокрым следам на полу, было похоже, что Загробницкий уже успел в нее погрузиться, но приход нежданного гостя вынудил его выскочить из воды, чтобы отпереть дверь.

подавляя брезгливый вздох, Игорь опустился на колени и заглянул под ванную, откуда почему-то во всю ивановскую несло дохлыми крысами.

Загробницкий втиснулся и встал за спиной Игоря, пытаясь загородить собой стоящую в уголке стиральную машину.

Но Игорь сразу же, как только вошел, успел заметить аккуратно разложенные на машине необычные предметы, не слишком похожие на купальные

принадлежности.

Там стояло две бутылки водки «Столичная», причем одна из них была уже ополовинена, а вторая даже не распечатана, лежал большой кухонный нож, резиновый шнур и парочка очень острых скальпелей.

Не было никаких сомнений, что Загробницкий сейчас решил покончить жизнь самоубийством, перерезав себе в ванной вены, и даже начал морально готовиться к своему черному делу, подкрепившись водкой, но вдруг так не вовремя (или – наоборот?) явился этот Игорь-сантехник.

Пожалуй, Загробницкий даже и не стал бы открывать, если бы не испугался, что слесари действительно в самый ответственный момент ни явятся ломать двери.

– Ну что там? Скоро? – нетерпеливо спросил Загробницкий, которому, похоже, буквально не терпелось скорее попасть на тот свет.

Игорь же тем временем с умным видом шарил руками под ванной, прощупывая скользкие, грязные трубы, и прислушиваясь, нет ли в квартире еще кого-нибудь, кроме этого безумца.

Впрочем, судя по запредельно далеко идущим планам Загробницкого, по крайней мере, сегодня вечером он находился дома в полном одиночестве.

«Точно, Малой, ты как всегда прав – приходится возиться в сплошном дерьме», – вспомнил Игорь, когда его рука действительно угодила в какую-то грязную, разлившуюся под ванной, лужицу.

– Ну? Я ведь больше не наливаю воду, видите? – буквально изнывал от нетерпения Загробницкий. – Наверное, труба подтекает. Но у меня сейчас все равно нет денег, чтобы вам заплатить за работу. Вы пока идите, идите, идите, а я завтра оформлю в ЖКО заявочку...

– А на кой мне деньги? – выпрямился Игорь. – Я вижу, у тебя, брат, валюта и получше есть.

И с этими словами Игорь ловко выхватил из-за спины Загробницкого водочную бутылку.

- Ой, нет же, я сейчас не могу, завтра, завтра, - растерялся от подобной наглости Загробницкий. - Поставьте на место, я не позволю...

Но дальше ему не пришлось продолжать своих причитаний, потому что Загробницкий внезапно увидел, как перед его глазами блеснуло лезвие, а в следующее мгновение почувствовал холод скальпеля возле своего горла.

- Другое оружие дома есть? - тихо спросил Игорь.

- Не-не-нет... - заклацал зубами Загробницкий, и теперь было непонятно, то ли он продолжает дрожать от того, что плохо вытерся, то ли - уже от страха.

- Смотри, проверю, - прошипел Игорь и, достав из кармана наручники, надел их на хилые ручонки Загробницкого. - А на тот свет ты, книжный вор, отправишься, не по своему желанию, а когда этого захочу я.

Эти самые наручники Игорь попросил в подарок у Малышева, после того, как во время истории с «ангельской пудрой» ему пришлось какое-то время поносить железные браслеты самому.

На редкость полезная, надо сказать, оказалась вещица!

Увидев на себе наручники, Загробницкий и вовсе стих и сгорбился - он и правда был, что ли, горбатым? - так что Игорю сделалось его немного жалко, и он набросил на мокрую голову вору сухое полотенце.

- Пошли, разберемся, - сказал Игорь, толкая присмирившего Загробницкого в комнату.

Хотя, собственно говоря, в этой однокомнатной квартирке, комнаты никакой вовсе не оказалось - здесь была сплошная библиотека.

На стеллажах, на столе, на стульях, на полу, на подоконниках - везде, где только можно, лежали журналы и книги.

Кое-где книжные завалы были сильно запыленными, так что видно было, что их давно не касались руки человека, зато в других местах книги были разложены ровными стопочками, и между страницами виднелись многочисленные закладки.

Увидев обстановочку дома Загробницкого, Игорь почему-то поневоле смягчился и даже пожалел, что слишком сильно перепугал этого чудака его же собственным скальпелем, который при ближайшем рассмотрении, опять-таки оказался старинным, хорошо отточенным ножом для разрезания книжных страниц.

– Где же вы спите? – задал Игорь невольный вопрос, и только когда Загробницкий кивнул в угол, Игорь заметил скромную лежанку, заваленную книгами.

– Я сам, ради бога, я сам, – встрепенулся Загробницкий, когда Игорь решил освободить хотя бы стулья, чтобы можно было присесть. – А то вы все перепутаете, я потом ничего не смогу отыскать...

Он принялся было неловко, обеими своими закованными руками, перекладывать книги на пол, но вдруг словно вспомнил о чем-то, недоуменно застыл, а затем ударил по стопке так, что она разлетелась в разные стороны, поднимая в воздухе целый столб пыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikol-skaya_natal-ya/propavshie-zakoryuchki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)